

ЗАКОНОМЕРНОСТИ В СМУТЕ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ВОЛНЫ 1848–1849 гг. В АВСТРИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Николай Сергеевич Розов

*Институт философии и права
Сибирского отделения Российской академии наук,
Новосибирский государственный университет,
Новосибирский государственный технический университет,
Новосибирск, Россия*

Владислав Васильевич Цыганков

*Специализированный учебно-научный центр
Новосибирского государственного университета,
Новосибирск, Россия*

<p>Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> <i>Принята к печати:</i></p>	<p>Аннотация: В исследовании проводится сравнение роли «Группы семи», «Г» В статье анализируются факторы и закономерности, объясняющие вступление одних обществ и невступление других в европейскую революционную волну 1848-1849 гг., исследуются причины различных итогов революций. В статье реализован теоретико-исторический подход в макросоциологии, включающий целочные движения между выдвижением общих гипотез и систематическим сравнением случаев для их проверки и коррекции. В «Весне народов» как обширной волне европейских революций 1848-1849 гг. для анализа взяты только центр (Вена) и этнические провинции Австрийской империи (Венеция-Ломбардия, Венгрия и Чехия). Уточнены факторы создания революционной ситуации и подтверждена гипотеза «восполнения» недостающих факторов благодаря внешнему влиянию революций в соседних и/или высокорелевантных обществах – благодаря эффекту революционной волны.</p>
<p>Об авторах: <i>Розов Н.С., д. филос. н., профессор, главный научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН; заведующий кафедрой социальной философии и политологии, НГУ; профессор, кафедра международных отношений и регионоведения, НГТУ</i> <i>Цыганков В.В., к. филос. н., доцент, кафедра гуманитарных наук, СУНЦ НГУ</i></p> <p>e-mail: nrozov@gmail.com</p> <p>e-mail: oktava-77@yandex.ru</p>	
<p>Ключевые слова: революционные волны; революции 1848-1849 гг.; Австрийская империя; исторические закономерности; революционная динамика; революционная ситуация; факторы нестабильности; социально-политический кризис; делегитимация власти; лояльность силовых структур; раскол элит; низовые протесты</p>	<p><i>Статья подготовлена при поддержке Отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ, проект 16-03-00318–ОГН «Революционные волны в динамике модернизации обществ XIX-XXI вв.: макросоциологический и социально-философский анализ»</i></p>

Революционная волна 1848-1849 гг. как материал макросоциологического анализа

Ярким классическим примером революционной волны является «Весна народов», объединяющая социальные и национально-

освободительные революции, а также связанные с ними политические кризисы, международные и гражданские войны в За-

падной и Центральной Европе середины XIX в. Эта группа взаимосвязанных явлений с разнообразием событий и итогов революций в каждом вовлеченном в волну обществе с переплетением внутренних процессов и международного взаимодействия позволяет выявлять факторы, механизмы и закономерности революционной динамики.

В качестве участников революционной волны здесь выделяются не государства, а общества, понимаемые как этнические, культурные, институциональные и территориальные единства. Поэтому в обширной Австрийской империи единая революционная волна по-разному проявлялась в Вене как имперском центре и в этнических (полиэтнических) провинциях: Чехия, Венгрия, балканские области, итальянские Венеция и Ломбардия.

Факторы революционной ситуации и гипотеза восполнения

Революционные события вначале возникают только в обществе-доноре, «дозревшим до революции» (метафора К. Маркса), то есть с накопившимися напряжениями, слабостью режима и прочими факторами, которые составляют «революционную ситуацию». Другие общества (часто соседние, родственные по языку, культуре, религии с обществом-донором, или имеющие с ним тесные культурные, экономические и политические связи) «дозревают» до революции в существенно разной мере. В них либо возникает достаточный уровень нестабильности, который благодаря «заражению» приводит к революции, либо действуют стабильные, легитимные, сильные режимы, не уязвимые для революционного влияния. В средних случаях – возникают волнения, протесты, но революции не происходит. Очевидно, волну подхватывают общества с максимумом потенциальной нестабильности – уже имеющейся революционной ситуацией. Но эффекта нескольких революций достаточно, чтобы «революционный пожар» «воспламенил» даже общества с относительно стабильными режимами¹.

¹ См.: Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // Ойкумена, –

Вначале был рассмотрен весьма широкий набор 28 гипотетических бинарных факторов, почерпнутых из современных сравнительно-исторических исследований революций². По этим факторам проведено сравнение обществ, переживших революционные потрясения (Франция, Пруссия, центральное общество и этнические провинции Австрийской империи) и избежавшие их (Россия, Испания, Великобритания).

Революции в обществах, подчиненных Австрийской империи, или зависимых от нее, появившиеся в них республики в большинстве были подавлены, как правило, под действием внешней военной силы – австрийской и российской армий. Таким образом, динамика революционных волн должна включать не только процессы «возгорания», но и процессы «тушения». В пилотажном исследовании не получилось выявить зависимость интенсивности революций в

2012, – вып. 8. – С. 174-209. [TSirel', S.V. Revolyutsionnye situatsii, revolyutsii I volny revolyutsij: usloviya, zakonmernosti, primery (A Revolutionary Situation, the Revolution and the Wave of Revolutions: the Conditions, Patterns, Examples) // *Oikumena*, 2012, Iss. 8, pp. 174-209.]

² См. об этом: Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с. [Goldstoun, Dzh. Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie (Revolutions. A Very Short Introduction). Moscow: Gaidar Institute publishing House, 2015. 192 p.]; Коротаяев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 119-127. [Korotayev, A.V.; Isaev, L.M.; Vasilev, A.M. Kolichestvennyi analiz revoliutsionnoi volny 2013-2014 gg. // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, No. 8, pp. 119-127.]; Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999. 192 p.; Tilly, Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003. 290 p.; Goldstone, J. Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes // *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*, 2009, vol. 29(1), pp. 18-32; Goldstone, Jack et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*, 2010, Vol. 54, No. 1, pp. 190-208; Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, vol. 35(2), pp. 167-207; Beck, C.J. Radicals, Revolutionaries, and terrorists. Polity Press, 2015.

разных обществах от удаленности и уровня референтности претерпевавших революцию обществ-доноров. Франция оставалась в ту эпоху высокореферентной в культурном и международном планах для всех западноевропейских обществ (и не только для них). Ослабление и укрепление императорской власти в Вене также сильно воздействовало на все ее провинции и зависимые общества.

Для более глубокого исследования динамики революционной волны мы сосредоточились на обществах Австрийской империи с учетом факторов, показавших наибольшую значимость.

Проведено шкалирование силы факторов по трехбалльной шкале (0 – отсутствие фактора, нет свидетельств о сколь-нибудь существенном его присутствии, 1 – средняя или неопределенная выраженность, 2 – яркие свидетельства сильной выраженности фактора). В описании ступеней 0 и 2 есть несколько признаков; если они выражены слабо или есть свидетельства только о меньшей части признаков, или сочетаются признаки из 0 и 2, тогда фактору приписывается среднее значение 1.

Революционная ситуация: факторы «созревания»

Уровень *делегитимации* власти и режима:

$d=0$, высокая или достаточная для стабильности легитимность власти и режима, что проявляется как отсутствие или низкая популярность текстов, дискредитирующих власть, притом что нет заметных уличных протестов, мятежей, восстаний, нет свидетельств о росте протестных настроений, об открытых или тайных собраниях, где систематически критикуют власти, обсуждают политические идеи, требования, замышляют коллективные действия;

$d=1$, средний или неопределенный уровень легитимности;

$d=2$, явно низкая легитимность власти и режима, обилие весьма популярных текстов, дискредитирующих власть, постоянно вспыхивающие протесты, уличные выступления, забастовки, стачки, шествия с лозунгами «долой!», мятежи и восстания, проводятся открытые или тайные собрания,

где систематически критикуют власти, обсуждают политические идеи, требования, замышляют коллективные действия.

Раскол элит:

$s=0$, отсутствие раскола, нет известной влиятельной фронды обиженных представителей элит, нет заговоров, нет известных случаев значимой, систематической поддержки радикальных оппозиционеров со стороны представителей вышеуказанных элит, налаживания связей между частью элиты и низовым протестом;

$s=1$, средний или неопределенный уровень раскола элит;

$s=2$, явный раскол элит, есть известная и влиятельная фронда обиженных представителей элит (административной, силовой, финансовой, промышленной, торговой, религиозной, медийной, интеллектуальной), есть свидетельства заговоров среди чиновничества и/или держателей ресурсов, есть яркие случаи значимой, систематической поддержки радикальных оппозиционеров со стороны представителей административной и/или коммерческой элиты, их сотрудничества с низовыми протестными группами.

Низкая лояльность силовых структур (аппарата принуждения):

$c=0$, высокая лояльность, не известны отказы силовых структур выполнять репрессивные действия, нет заговоров среди генералитета и офицерства, наиболее популярные в войсках военачальники занимают высокие посты и демонстрируют полную приверженность правителю, поддержку режиму, готовность их защищать;

$c=1$, средний уровень лояльности;

$c=2$, явно низкая лояльность аппарата принуждения, частые отказы силовых структур выполнять репрессивные действия, известны заговоры среди генералитета и офицерства, наиболее популярные в войсках военачальники отправлены в отставку, находятся в опале или эмигрировали; те, кто демонстрирует приверженность правителю, поддержку режиму, сами не пользуются уважением среди военных и полиции.

Наличие и влиятельность политической альтернативы (сочетания идей, лидеров и организации):

$a=0$, нет политической альтернативы, нет популярных политических идей, лозунгов для протеста, нет ярких, известных лидеров, способных мобилизовать массы на политические действия, нет организационных структур для мобилизации, координации действий и рекрутирования;

$a=1$, средний уровень, есть разрозненные оппозиционные силы с низкой поддержкой; либо имеет место существенный раскол оппозиции (обычно на радикалов и умеренных, склонных к оппортунизму);

$a=2$, есть сильная альтернатива, включающая популярные политические идеи, лозунги для протеста, ярких, известных лидеров, способных мобилизовать массы на политические действия, имеются организационные структуры для мобилизации, координации действий и рекрутирования.

Наличие и величина масс недовольных, «горючего материала»:

$p=0$, отсутствие масс недовольных, каких-либо значимых протестных действий, по крайней мере, в столице и основных городах, если недовольные есть, то разрознены, лишены общих идей, лидеров и способов связи;

$p=1$, есть спорадические проявления низового недовольства, как правило, не связанные между собой; есть некий уровень концентрации потенциального «горючего материала» (молодых безработных, приезжих из сельской местности, политически активного студенчества);

$p=2$, наличие возбужденных, готовых к протесту и радикальным политическим действиям масс либо в столице, либо на географически защищенных окраинах; высокая безработица, «молодежный бугор» в столице и/или крупных городах.

Обширная Австрийская империя демонстрирует революционную динамику практически всех своих областей: 1) Ломбардо-Венецианская область, 2) Галиция, 3) собственно Австрия, 4) Венгрия, 5) Чехия, 6) Словакия, 7) Воеводина, 8) Хорватия. Здесь рассмотрим с точки зрения значений факторов «созревания» революции события в Австрии как имперском центре и революционные процессы в разных национальных окраинах: Ломбардо-Венецианской области, Венгрии и Чехии.

Вена – центр Австрийской империи

1. *Делегитимация власти и существующего порядка (1)*. Все протестные акции собственно в Австрии происходят только после событий на Сицилии, во Франции, и в германских землях. Ландтаг Нижней Австрии подготовил меморандум императору, требуя расширения полномочий ландтагов, отмены крестьянских повинностей. Студенты вышли на улицы с требованием расширения гражданских прав, дальше последовали бойня, массовое возмущение и сооружение баррикад. В обзорных работах неоднократно указывается на «ненавистный режим канцлера Меттерниха», отставки которого протестующие потребовали в первую очередь. Значит, к моменту начала активных действий восставших режим был отчасти дискредитирован, хотя дискредитация носила персональный характер и не связывалась с императором, для смещения которого потребовался бы кардинальный переворот. Общим местом также остается указание на влияние на протестные массы Вены революционных событий в других областях (с публичным зачитыванием обращения венгра Лайоша Кошута на Пожоньском сейме)³. Иными словами, не наблюдалось существенного снижения легитимности местной власти и режима. Поэтому данный параметр надо принять как средний.

2. *Раскол элит (1)*. Собственно австрийцы находились в привилегированном положении, хотя их было чуть больше 20% от населения империи. При описании революционной ситуации в случае Австрии обычно приводятся самые общие обвинения: бюрократический абсолютизм стесняет коммерцию, а с 1846 г. в стране начался кризис, безработица, инфляция, банкротства, голод. В начале революции на стороне революционных студентов и рабочих открыто высту-

³ Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. – М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – С. 263-265. [Revolyutsii 1848-1849. T.I. Pod redaktsiej prof. V.F. Potemkinai A.I. Moloka (Revolutions of 1848-1849. T. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. Pp. 263-265.]

пили члены ландтага Нижней Австрии, что свидетельствует о накопленном отчуждении. На другой стороне сплотились реакционеры во главе с Меттернихом и эрцгерцогиней Софьей. Значение этого параметра следует признать средним.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (0)*. В марте 1848 г. комендант Вены эрцгерцог Альбрехт ввел в столицу войска и устроил «бойню на Херенгассе», а в августе в Леопольдштадте была расстреляна рабочая демонстрация⁴. После подавления войсками октябрьского восстания в Вене началась диктатура маршала Виндишгреца. Массовые переходы солдат на сторону восставших для венских событий не известны. При слабости, разрозненности и умеренности требований протестующих их спасало только то, что основная военная сила империи была задействована в подавлении венгерского и итальянского восстаний. Нет свидетельств в пользу нелояльности силового аппарата режима в данном случае.

4. *Наличие политической альтернативы (1)*. Немедленно после начала революционных событий во Франции и германских землях депутаты ландтага Нижней Австрии выдвинули предложение отменить крепостные повинности, и расширить полномочия ландтагов. Сразу же в марте студенты создали свой знаменитый Академический легион. Это означает, что оппозиционные идеи обдумывались, а структуры рекрутирования протестных сил имели место еще до начала революции (хотя были разрозненны). С другой стороны, практически не известны персоналии собственно австрийских революционеров (венгерские и даже чешские явно их затмили по активности и известности). Историки указывают на соглашательский характер политики мятежного ландтага, резко контрастирующий с радикализмом городских низов и студенчества⁵. Таким образом, раскол и слабость,

«размытость» альтернативного проекта для Австрии налицо, поэтому значение по данному фактору среднее.

5. *Наличие «горючего материала» революции (2)*. Если сравнивать Австрию с Ломбардо-Венецианской областью, то по количеству недовольных первая явно проигрывает второй. Хотя и здесь действует общеевропейский экономический кризис, однако тяготы простого народа и дискомфорт австрийской элиты не идут ни в какое сравнение с итальянскими, где промышленность получила архаизацию и жесткие таможенные барьеры, а элиты были показательно лишены политического суверенитета. В Вене, как и везде в крупных городах, имела место пауперизация, студенты со страхом наблюдали за ростом безработицы, а промышленное лобби в местных парламентах ожидало любого сигнала для начала наступления на благородное землевладельческое сословие и его феодальные преимущества. Революционные события в Вене явно носили массовый характер (баррикады, столкновение с войсками, и даже тактические победы над ними). И в ходе мартовского, и в ходе октябрьского восстаний 1848 г. в Вене силы протестующих явно превосходили репрессивные возможности правительства (был захвачен арсенал, казнен военный министр, осажден император).

6. *Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (0)*.

7. *Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (0)*.

Для центра Австрийской империи пункты 6-7 не были актуальными.

8. *Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом (0)*. Каких-либо сведений о вооруженном подполье до начала событий обнаружить не удалось. Комитет безопасности и Академический легион были образованы уже в процессе протестных акций, как часть уступок, вырванных у правительства революционными силами.

1848 "The Principle of Nationality" in Politics and Ideology). Moscow: Indrik, 2001. Pp. 135-138.]

⁴ Ibid, с. 267-268, 577-578.

⁵ Европейские революции 1848 года «Принцип национальности» в политике и идеологии. – М.: Индрик, 2001. – С. 135-138. [Evropejskie revoljutsii 1848 goda «Printsip natsional'nosti» v politike i ideologii (European Revolutions of

Ломбардо-Венецианская область

1. *Делегитимация власти и существующего порядка (2)*. Уровень этого параметра следует оценивать как наивысший, по крайней мере, в Австрийской империи. С начала XIX в. в обеих провинциях фиксируются непрекращающиеся мятежи карбонариев. Уже в сентябре 1847 г. происходят стычки итальянских демонстрантов с австрийской полицией в Ломбардии. 18 марта в Милане – уличные бои, австрийские войска вытеснены из города, образовано провинциальное правительство, после чего Ломбардо-Венецианская республика начинает войну с империей.

2. *Раскол элит (2)*. Поскольку данный фактор предполагает раскол элит именно в пользу сил революции, то по этому параметру область явно находится на первом месте, поскольку во «фронду обиженных» попадают все представители итальянской местной элиты, не являющиеся австрийцами. Для итальянских земель в эту революцию весьма характерна более или менее последовательная оппозиция имперскому порядку. Широко известны, например, сардинский аристократ Камилло Бенсо ди Кавур, основавший в 1847 г. газету «Рисорджименто» («Возрождение»), и пьемонтский монарх Карл Альберт, уже в марте 1848 г. объявивший войну Австрии.

То, насколько быстро местные «контрэлиты» из тюрем или эмиграции сразу становились во главе местных органов революционной власти, указывает на длительный, хотя и скрытый союз итальянских элит и «контрэлит». Революционер-эмигрант Джузеппе Мадзини, основатель тайной организации «Молодая Италия», становится главой Римской республики после бегства из Рима Папы. Президентом возникшей Венецианской республики становится только что освобожденный из тюрьмы адвокат-патриот Даниэле Манин. Революционный партизан и капер Джузеппе Гарибальди летом 1848 г. прибывает в Италию – и тут же оказывается на службе у короля Сардинии. Фиксируются примеры и обратной ситуации: представители прежней власти легко входят в состав революционных правительств. Например,

Габрио Казати – подеста (глава администрации) Милана – становится там председателем временного правительства уже после изгнания австрийцев.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (2)*. Здесь имеется в виду (не)лояльность в отношении охватывающего порядка. Знаменитые «Пять дней Милана», скорее, указывают на низкую лояльность карательных войск имперского генерала Радецкого: они еще могли обстреливать город с окрестных фортов, но в уличных боях со слабо вооруженными горожанами явно проигрывали, а при отступлении подняли бунт (при этом фиксировались массовые случаи перехода солдат на сторону восставших).

4. *Наличие политической альтернативы (1)*. С уверенностью можно сказать, что альтернатива была, причем обеспечивалась поддержкой как революционных масс, так и элит. Были и национал-патриоты (те же Мадзини, Манин, Гарибальди и др.), которые тут же были вознесены в лидеры протестных действий. По-видимому, об организационных структурах для координации действий тоже можно говорить: тайные общества – это основная черта «Рисорджименто». Однако верно и то, что идейные расколы ослабляли революционный лагерь. Для Италии 1848 г. важнейшим был вопрос о путях объединения страны. Монархические круги Пьемонта настаивали на монархии, венецианцы и граждане Рима – на республике. Этот раскол территориально разобщил революционную коалицию⁶. Уровень альтернативы следует считать средним, с учетом ее низкой консолидированности, обусловившей итоговые военные и политические поражения революций.

5. *Наличие «горючего материала» революции (2)*. Сложно говорить о «молодежном бугре» и подобных демографических факторах, поскольку доступный статистический материал по итальянским землям рассматриваемого эпизода весьма скуден. Однако в

⁶ Европейские революции 1848 года «Принцип национальности» в политике и идеологии. – М.: Индрик, 2001. – С. 93-102. [Evropskie revolucije 1848 goda «Printsip natsionalnosti» v politike i ideologii (European Revolutions of 1848 “The Principle of Nationality” in Politics and Ideology). Moscow: Indrik, 2001. Pp. 93-102.]

отношении тягот для простонародья обычно сообщается, что с началом экономического кризиса 1846-1847 гг. традиционно развитое в Северной Италии мануфактурное производство терпит крах, на улицах городов полно безработных, происходит стремительная пауперизация населения⁷.

Что касается дискомфорта элит, то здесь имела место усеченная культурно-административная автономия, элементы ксенократии. После Реставрации по воле Венского конгресса таможенные барьеры, расчленившие территорию Италии, были восстановлены; коммерчески-ориентированные формы аренды запрещены; вернулись фидеокomisсы и майорат в деревне, цеховая система на мануфактурах и прочие феодальные пережитки. Это уменьшало возможности статусного прироста коммерчески-ориентированной части элит. К тому же, в ходе Реставрации в итальянской элите возник не только «конфликт укладов», но также конфликт административно-клановый: от власти и влияния были оттеснены военные и бюрократы, выдвинувшиеся при Наполеоне⁸. Поэтому с первыми известиями о мартовской революции в Австрии происходит социальный взрыв с участием множества недовольных и готовых к протесту вплоть до вооруженных действий. Те же «Пять дней Милана» продемонстрировали, что решимость дать отпор австрийским войскам явно превзошла возможности последних привести город к повиновению.

6. *Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (2)*. После реставрации раздробленности Италии решением Венского конгресса прежние монархические слои вновь заняли господствующее положение. Формально

даже в прямо присоединенной к империи Ломбардо-Венецианской области не было значимых этнических и языковых различий между элитой и основной массой итальянского населения. Австрийская империя контролировала итальянские земли «удаленно», при помощи «кадровой политики» и монополии военно-политического контроля. Полиция и армия контролировались австрийцами; они же вели перлюстрацию частной переписки итальянцев; осужденные итальянские национал-патриоты содержались в австрийских, а не в итальянских тюрьмах. Здесь следует говорить о двухступенчатой системе: итальянские элиты зависели в своих политических действиях от решений «старшего брата» в Вене. Поэтому следует скорее говорить об отчуждении внутри самой итальянской элиты, верхний «этаж» которой был явно ксенократическим – солидарным с имперским центром⁹.

Именно неспособность повлиять на решения Вены в свою пользу привело часть итальянских элит к непримиримому конфликту с австрийцами. Однако ни в 1821, ни в 1831 г. в борьбу с ксенократией не удавалось вовлечь простонародье (которое почти не видело австрийцев, но ежедневно имело дело с собственными сеньорами), поэтому заговорщики-карбонарии раз за разом терпели поражение. Мадзини стал знаменит именно потому, что совместил национально-освободительные идеи с эгалитарными установками пауперизованного итальянского большинства («революция с народом и для народа»), чем сумел «расшевелить» простонародные массы, которые до этого вообще не знали, что находятся под австрийским гнетом. Таким образом, применительно к Италии этот пункт следует назвать «ksenократическим разобщением внутри элиты».

⁷ Новая история стран Европы и Америки (под редакцией А. В. Адо). – М.: Высшая школа, 1986. – С. 421-422. [Novaya istoriya stran Evropy i Ameriki (New History of Europe and America. Ed. by A.V. Ado). Moscow: Higher school, 1986. Pp. 421-422.]

⁸ История Италии. Под редакцией С.Д. Сказкина, К.Ф. Мизиано, С.И. Дорофеева. Т. 3. – М.: «Наука», 1970. – С. 82. [Istoriya Italii. T. 3. (History of Italy. Ed. by S.D. Skazkin, K.F. Misiano, S.I. Dorofeev. Vol. 3). Moscow: "Nauka", 1970. P. 82.]

⁹ Ковальская М.И. Италия в борьбе за национальную независимость и единство: От революции 1831 г. К революции 1848-1849 гг. – М.: Наука, 1981. – С. 10. [Koval'skaya, M.I. Italiya v bor'be za natsional'nuyu nezavisimost' i edinstvo: Ot revolyutsii 1831 g. k revolyutsii 1848-1849 gg. (Italy in the Struggle for National Independence and Unity: from the Revolution of 1831 to the Revolution of 1848-1849). Moscow: Science, 1981. P. 10.]

7. *Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости* (2). Этот параметр для Ломбардо-Венецианской области однозначно имеет наивысшее значение. Обсуждение суверенизации и интеграции Италии пронизывает ее политический дискурс рассматриваемого периода. Споры возникали только о путях этого процесса (борьба тайных обществ, спонтанные восстания, сплочение вокруг республики, короля, Папы и т. п.).

8. *Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом* (2). В 1818 г. в Пьемонте и Ломбардии возникло тайное общество «Итальянская федерация» из либерального дворянства и военных. Движение поддерживалось представителями Савойской династии (Сардинское королевство). Однако в вооруженной борьбе карбонариев Неаполя, Пьемонта и Папской области 1821 г. эта организация практически не участвовала (поэтому неаполитанские заговорщики получили либо заочные, либо явные смертные приговоры, а в Ломбардо-Венецианской области пойманные заговорщики отделались тюремными сроками). Точно так же не сыграли какой-либо роли Милан и Венеция в восстании карбонариев Центральной Италии 1831 г. С этого момента создаваемые ячейки «Молодой Италии» возникали и в рассматриваемой области, однако вспыхнувшее в Сардинском королевстве восстание заговорщиков-мадзинистов 1834 г. опять же не коснулось Милана и Венеции. Таким образом, можно говорить о наличии на данной территории тайных обществ, ориентированных на вооруженную борьбу, хотя нельзя признать за ними сколь-нибудь существенного опыта силовых акций и сколь-нибудь существенной поддержки населения.

Венгрия – крупнейшая мятежная провинция Империи

1. *Делегитимация власти и существующего порядка* (1). Уже в 1830-х гг. происходят и первые восстания (крестьянское на севере Венгрии), и первый революционный отзыв на них со стороны национальных интеллек-

туалов (книги «Мир» и «Стадия» сторонника «революции сверху» графа Иштвана Сеченьи, запрещенные в стране и доставляемые туда нелегально). В те же 1830-е гг. в Пожони создаются политические кружки антиаристократической пропаганды «Беседь» во главе с адвокатом Лайошем Кошутом. До начала 1840-х гг. Кошут уже успел посидеть в тюрьме как политзаключенный, затем он много писал для газеты «*Пешти Хирлан*», распространяющей идеи незамедлительного освобождения крестьян и введения всеобщего налогообложения. В 1847 г. в Венгрии происходили многочисленные крестьянские восстания. Однако известность такого рода оппозиционных деятелей среди элит, а тем более, среди простонародья, вряд ли можно оценивать как высокую. К тому же, аристократическая оппозиция критикует режим за отсталость, но не ставит под сомнение власть императора¹⁰. Значение данного параметра следует принять как среднее.

2. *Раскол элит* (2). В Империи венгры не допускались в политическую сферу, их участие ограничивалось местным самоуправлением; государственным языком был немецкий. Таможенные тарифы, которыми Австрия отгородилась от Англии в период кризиса, ударили по сырьевой Венгрии, обеспечивая приоритет промышленности Австрии и Чехии. Новое государственное собрание (с 1847 г.) зашло в тупик из-за раскола дворянства и не смогло начать реформы. Главные силы, столкнувшиеся в Венгрии и вызвавшие революцию, включали, с одной стороны, крупную земельную аристократию, с другой стороны – мелкопоместное («лапотное») дворянство. Первая вовлекала в борьбу габсбургскую Австрию, а второе – крестьянство, ремесленных рабочих и городскую интеллигенцию¹¹. В той же

¹⁰ Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. – М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – С. 428-429. [Revolyutsii 1848-1849. T.I. Pod redaktsiej prof. V.F. Potemkinai A.I. Moloka (Revolutions of 1848-1849. T. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. Pp. 428-429.]

¹¹ Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-

газете «*Пешти Хирлап*» в 1840-х гг. в острую полемику вступили граф Сеченьи и адвокат Кошут, позиции которых соответствовали двум вышеозначенным общественным силам. Далее, уже накануне революции «новые консерваторы» выступали за реформы с сохранением господства аристократии, либералы за парламентскую монархию, радикалы «Молодой Венгрии» за республику и вооруженное восстание. Политический кризис 1847 г. наступил из-за противоборства либералов (поддержанных большинством в дворянских «комитатах») и консерваторов (поддержанных императором) в венгерском государственном собрании. «Лапотное дворянство», заседавшее в «комитатах» и поддерживающее печатные органы радикалов, вполне можно считать «фрондой обиженных» из числа держателей ресурсов. Параметр раскола элит следует признать высоким.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (0)*. С начала марта и до начала мая 1848 г. военные силы не были задействованы в революционных событиях. Здесь речь идет о заигрывании Габсбургов с умеренным крылом Государственного собрания, а не об отсутствии лояльности войск. Кстати, войска эти имели следующую особенность: командовал ими ставленник императора комендант Буды барон Ледерер, но в массе своей они состояли из венгров. На «бархатном» этапе репрессии со стороны аппарата принуждения состояли в том, что Ледерер скрыл при формировании национальной гвардии основные запасы оружия, а также тайно (!), без ведома революционных властей отправлял венгерские войска подавлять итальянцев. Но стоило только 10 мая «мартовской молодежи» в бунтарском задоре отправиться судить «ставленника камарильи» – как против венгерских демонстрантов были применены венгерские же войска, действовавшие без колебаний. Австрийскому командованию удалось посеять рознь между войсками и повстанцами («вы – из крестьян, а они – взбесившиеся с жиру дворянские

детки»). Даже уже в июне-июле венгерские части австрийской армии фактически пропустили на территорию Венгрии сербских и хорватских интервентов, которых Вена собиралась использовать для подавления революции¹². Поэтому вряд ли можно говорить сколь-нибудь существенной нелояльности войск в период складывания революционной ситуации.

4. *Наличие политической альтернативы (2)*. Местные дворянские представительства («комитаты») имели большое влияние на жизнь страны еще с феодального периода, и были важной формой противодействия имперскому абсолютизму. Про политические кружки «Беседы» уже было сказано выше. В начале 1840-х гг. Кошут организовал «Союз защиты» для поддержки национального производства в борьбе с австрийским финансово-промышленным капиталом, и для распространения идей протекционизма (которые всегда становятся актуальны в период экономического кризиса). Таким образом, существовали структуры для организации и координации протестных действий. В оппозиционных изданиях уже к началу 1840-х гг. была сформулирована позиция «национально-ориентированной» аристократии (лидер – И. Сеченьи), «радикальной аристократии» (Л. Кошут), «социал-национализма» (Михай Танчич), «плебейского республиканизма» (Шандор Петёфи). Как минимум, идеи этих деятелей уже были на слуху до начала революционных событий. В 1847 г. была образована организация «Оппозиционный круг», куда вошли и представители магнатов (Лайош Баттьяни), и мелкое дворянство, и городские радикалы (Л. Кошут). В 1847 г. возник «Клуб молодых ремесленников и рабочих» (который связывал рабочий класс с интеллигенцией и студентами). В то же время имели место и расколы, затруднявшие или даже блокировавшие компромиссы, необходимые для полноценной политической альтернативы. Очень рано венгерский национализм внутри самой Венгрии натолкнулся на враждебную позицию хорватской аристократии, пере-

1849. – М.: Наука, 1965. – С. 17. [Averbukh, R.A. Revolyutsiya i natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Vengrii 1848-1849 (Revolution and National Liberation Struggle in Hungary 1848-1849). Moscow: Science, 1965. P. 17.]

¹² Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – С. 727.

шедшей в дальнейшем на проавстрийские позиции. При всем этом, значение данного параметра следует признать высоким.

5. *Наличие «горючего материала» революции (2)*. Общеввропейский экономический кризис был обострен неурожаем 1845-1846 гг., который отозвался в Венгрии шестикратным ростом цен на продовольствие, сокращением внутреннего товарооборота, и голодом. В этих условиях выплаты венгерских комитатов по австрийским долгам стали непосильными. В условиях сокращения ренты помещики в массовом масштабе стали отнимать крестьянские угодья, вызвав не только жалобы крестьян в комитаты, но и вспышку мятежей (восстания достигли своего апогея уже в ходе революции и в пику революционному Государственному собранию). В то же время антифеодальные мятежи крестьян славянского меньшинства Венгрии и в целом империи сдерживали радикализацию части венгерского дворянства, делавшей выбор в пользу Габсбургов. Таким образом, «горючий материал» революции следует признать никак не меньшим, чем в Австрии или даже в Ломбардо-Венецианской области.

6. *Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (1)*. Ксенократическое отчуждение внутри венгерской элиты по своим параметрам приближалось к итальянскому случаю, однако не было столь выраженным. Реальное местное самоуправление «комитатов» смягчало контроль венгерской элиты со стороны Вены. Военно-политический контроль также был неизмеримо меньшим. В конце концов, надо учитывать, что венгерские войска использовались австрийцами для подавления революции в итальянских землях, а не наоборот.

7. *Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (1)*. Политическая актуальность памяти о былой независимости в Венгрии также была выражена слабее, чем в Италии. Государственнические традиции итальянцев были глубже и шире простых социал-радикалистских заимствований опыта французского республиканизма (как это было в Венгрии). Итальянцы могли обсуждать и монархические, и теократические

политические проекты. Иными словами, в Италии мечта о суверенитете была шире, чем в Венгрии: эту мечту могли разделять даже откровенно консервативные, реакционные силы итальянцев. В Венгрии же реакционеры-консерваторы однозначно связывали свое будущее с Габсбургами, то есть с ксенократией.

8. *Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом (0)*. Если не брать в расчет крестьянские восстания, то в предреволюционный период существование военизированных протестных групп не прослеживается.

Чехия – славяне между конкурировавшими центрами германского объединения

1. *Делегитимация власти и существующего порядка (1)*. В 1830-40-е гг. формируется идейное направление «австрославизм» (Й. Юнгманн, П. Шафарик, К. Сабина, К. Гавличек-Боровский), политическим проектом которого можно считать национальную автономию славянских земель в рамках Австрийской империи – вплоть до федерализации. Внимание славянских националистов до начала 1840-х гг. сосредоточивалось на изучении и воспевании отечественной истории. Только к 1845 г. появляются кружки, которые можно отнести к политической оппозиции (националистический журнал «Пражские новины» под ред. Ф. Палацкого и республиканский антиклерикальный кружок «Рипил» во главе с В. Гаучем, Ф. Гавлическом и др.)¹³. В то же время сколь-нибудь радикальные взгляды чешской интеллигенции едва ли были известны широким городским слоям. До начала собственно революционных событий фиксируются не только крестьянские восстания (крупнейшее про-

¹³ История южных и западных славян: В 2 т. Том 1. Средние века и Новое время (под ред. Матвеева Г.Ф., Ненасшевой З.С.). – М.: Изд-во МГУ, 2001. – С. 593-595. [Istoriya yuzhnykh i zapadnykh slavyan: V 2 t. Tom 1. Srednie veka i Novoe vremya (History of the Southern and Western Slavs: 2 vol. 1. The Middle Ages and Modern Times (ed. by G.F. Matveev, Z.S. Nenasheva)). Moscow: Izd-vo MGU, 2001. P. 593-595.]

изошло в Моравии в 1821 г.), но и стачки промышленных рабочих (наиболее мощная вспыхнула в 1844 г., имела выраженную луддитскую направленность, и была подавлена имперскими войсками). Значение данного параметра примерно соответствует венгерскому уровню.

2. *Раскол элит (0)*. Поляризация сторонников и противников Габсбургов в Чехии произошла уже в ходе самой революции, будучи антагонистической реакцией на революционный подъем немецкого национализма в германских землях, угрожавший аннексией немцами славянских земель Австрийской империи. Это произошло только в апреле-июне 1848 г., и потому не может считаться событием, подтверждающим наличие раскола элит.

3. *Нелояльность аппарата принуждения (0)*. Значение данного параметра следует считать низким, примерно на венгерском уровне. Так же, как и в случае Венгрии, император явно попустительствовал развитию событий (в отличие от Ломбардии-Венеции, куда тут же были отправлены войска). Силы принуждения начали действовать только в ходе работы Славянского съезда, с началом Пражского восстания 12-17 июня 1848 г. Никакие выраженные эпизоды нелояльности войск не прослеживаются: войска под руководством Виндишгретца получили приказ и выполнили его, ведя баррикадные бои с восставшими и обстреливая из пушек Старую Прагу.

4. *Наличие политической альтернативы (1)*. Об издании «Пражские новости» и политическом клубе «Рипил» было сказано выше. К началу революции можно выделить две группы политических активистов: *рипилисты* (которых иначе можно назвать «конституционастами»), и «федералисты» во главе с Ф. Браунером и П. Трояном. Между ними в марте и развернулась борьба за главенство в подготовке петиции императору. Однако чешская альтернатива была известна в Праге меньше, чем венгерская в Буде. Не зафиксированы разветвленные сети клубов, осуществляющие «сцепление» с революцией городских низов (как, например, «Оппозиционный круг» или «Клуб молодых

ремесленников и рабочих»)¹⁴. Косвенно на это указывает и военная слабость протестующих, разгромленных войсками за три неполных дня (в отличие от той же Венгрии).

5. *Наличие «горючего материала» революции (1)*. После протекционистских мер имперского правительства основной выигрыш от высоких пошлин на британские товары получили Австрия и Чехия (в отличие от Венгрии и Ломбардо-Венецианской области). Так что влияние кризиса было для чехов смягчено. Национальный вопрос (носивший в Чехии больше культурно-этнографический, чем политический характер) очень рано натолкнулся на угрожающий революционный национализм немцев и венгров, и многие «будители народа» поддерживали имперский вариант. Таким образом, данный параметр считаем слабее выраженным по сравнению со случаями Венгрии и Австрии. Только после событий в Вене чехи создали национальную гвардию, создали Национальный комитет; только после майских событий в Вене начались в Праге забастовки и манифестации, провокация войск и баррикадные бои. В ходе июньского восстания в Праге силы восставших явно уступали репрессивным возможностям правительства.

6. *Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (1)*. Для Чехии данный параметр следует признать примерно соответствующим венгерскому уровню: умеренный военно-политический контроль имперского центра, некоторые элементы реального самоуправления при сохранении культурной германизации.

7. *Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (1)*. Углубленное изучение и воспевание «чешского возрождения» с гуситскими войнами и вольными городами

¹⁴ Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. – М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – С. 370-372. [Revolyutsii 1848-1849. T.I. Pod redaktsiej prof. V.F. Potemkina i A.I. Moloka (Revolutions of 1848-1849. T. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. P. 370-372.]

началось в Чехии еще с конца XVIII в., и это был долговременный тренд. Однако, во-первых, воспоминания о славном прошлом едва ли можно считать политически актуальными, а во-вторых, это славное прошлое было на поверку все равно имперским.

8. *Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных)*

с военным или повстанческим опытом (0). Для случая Чехии упоминания о таковых в источниках не встречается.

Уровень социально-политической нестабильности считается суммой баллов по всем восьми факторам (см. Таблицу 1).

Таблица 1

Оценка выраженности факторов социально-политической напряженности («готовности к революции») в обществах Западной Европы к началу 1848 г.*

Страна	Делегитимация	Раскол элит	Силовая нелегальность	Политическая альтернатива	Горючий материал	Этнически чуждая власть	Память о независимости	Наличие подпольных вооруж. групп	Напряженность
Сицилия	2	2	2	2	2	2	2	2	16
Франция	2	2	2	2	2	0	0	1	10
Пруссия	1	1	0	1	2	0	0	1	6
Австрия (центр)	1	1	0	1	2	0	0	0	5
Ломбардия/Венеция	2	1	0	1	2	2	1	1	10
Венгрия	1	2	0	2	2	1	1	0	9
Чехия	1	0	0	1	1	1	1	0	5
Папская область	2	2	0	2	2	1	1	0	12
Тоскана	2	2	2	2	2	2	2	0	14
Пьемонт	1	1	1	1	2	2	2	2	12
Неаполь	1	2	1	2	2	2	1	1	12

* В таблице по случаям Сицилии, Франции, Пруссии, Папской области, Тосканы, Пьемонта и Неаполя были использованы данные, полученные в рамках работы над общим проектом в совместной статье Н.С. Розова, Ю.А. Пустовойта и С.И. Филиппова (в печати).

Table 1. Assessment of the Severity of Socio-Political Tensions (“Readiness for Revolution”) in the Societies of Western Europe by the Beginning of 1848

Для того, чтобы оценить достаточность всех приведенных факторов для инициации революционных событий, оценим их значение для общества с низкой (для «Весны народов») протестной активностью. Возьмем Испанию как вполне европейскую в культурном отношении (случай России может встретить возражения), и в то же время – континентальную (случай островной Великобритании также весьма специфический). Известно, что «Весна народов» обошла Испанию стороной. Можно строить разные версии объяснения данного факта. Но случай Испании здесь важен для выяснения критического, или порогового, уровня значений факторов социально-политической напряженности, достаточного для того, чтобы вспыхнула революция.

Испания

Делегитимация власти и существующего порядка (0). Среди неблагоприятных явлений Испании 1840-х гг. обычно упоминается экономическое отставание от Англии и Франции, а также кризис 1847-1848 гг. Переход к фабричному производству разорял ремесленников; в то же время сохранялись латифундизм и крестьянское малоземелье. В источниках речь идет о забастовках каталонских рабочих в начале 1840-х гг. (с чисто экономическими требованиями). Однако – в начале, а не в конце 1840-х гг.! Дефицит легитимности был преодолен правительством, которое недавно (в 1843 г.) свергло другое правительство при поддержке населения

столицы. С 1821 г. это было третье свержение правительства в Испании (не считая гражданской войны).

Раскол элит (1). После третьей буржуазной революции 1843 г. (свергнувшей диктатора Эспартеро, победителя «карлистов») сложился компромисс земельной аристократии и либералов из дворян и буржуа (между «абсолютистами» и «модератос»). По итогам компромисса права кортесов урезались в пользу короля, возвращались конфискованные земли церкви; и в то же время сеньориальные права дворян не были восстановлены. В марте 1848 г. на волне общеевропейского революционного подъема прогрессистская партия кортесов попыталась поднять восстания в ответ на узурпацию власти главой кабинета Р. Нарваэсом. Однако тот закрыл несколько газет, выслал из страны нескольких оппозиционеров – и на этом революционная роль Испании в «Весне народов» была исчерпана¹⁵.

В источниках по истории Испании эпизод середины 1840-50-х гг. представляется как период компромиссов и консенсуса¹⁶. Но надо учитывать, что в зыбком состоянии перманентно-революционной Испании фронда элит была не эпизодически, а системно действующим фактором. Тот же свергнутый диктатор Эспартеро ушел в оппозицию к «модератос», чтобы затем вновь вынырнуть на вершины власти в революцию 1854-1856 гг. Принято считать, что с развитием товарно-денежных отношений и промышленной революцией в стране крупный бизнес усилился и перестал удовлетворяться компромиссом с земельной аристократией, достигнутым по итогам третьей

революции. В свою очередь, правительство и верхушка земельных магнатов начинала прощупывать почву для союза с «абсолютистами». В конце 1840 х гг. кто-то из правительства и оппозиции уже устанавливал контакты с «революционными хунтами» крупных городов, с организациями наподобие позднейшего «Союза классов» в Барселоне¹⁷. Таким образом, следует принять значение параметра «раскол элит», как минимум, средним.

Нелояльность аппарата принуждения (0). С 1812 г. Испания пережила череду бурных событий, в которых особая роль принадлежала тайным обществам заговорщиков-офицеров (так называемым «хунтам»). В трех предыдущих революциях, и в грядущей революции 1854 г. военные выступали застрельщиками, которые призывали к восстанию жителей столицы и крупных городов. Поэтому сложно говорить о лояльности аппарата принуждения в условиях его перманентной готовности к перевороту. Однако точно, что именно для интересующего нас периода (второй половины 1840-х гг.) оппозиционная активность армии не прослеживается. В 1848-1849 гг. в очередной раз карлисты подняли мятежи в ряде провинций (дольше всего они продержались в Каталонии). Эти мятежи были быстро подавлены, что свидетельствует об уверенном контроле правительства Нарваэса над вооруженными силами¹⁸. Уже в 1849 г. испанская

¹⁵ История XIX века (под ред. Э. Лависса и А. Рамбо). Том 5. Революции и национальные войны. 1848-1870. – М.: ОГИЗ, 1938. – С. 353. [Istoriya XIX veka. Revolyutsii i inatsional'nyevojny. 1848-1870 (History of the Nineteenth Century (ed. by E. Lavissee and A. Rambaud). Vol. 5. Revolutions and National Wars. 1848-1870). Moscow: OGIZ, 1938. P. 353.]

¹⁶ Новая история стран Европы и Америки (под редакцией А. В. Адо). – М.: Высшая школа, 1986. – С. 343. [Novaya istoriya stran Evropy i Ameriki (New History of Europe and America. Ed. by A.V. Ado). Moscow: Higher school, 1986. P. 343.]

¹⁷ История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2014. – С. 295-327. [Istoriya Ispanii. Tom 2. Ot vojny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka / Institut vseobshhej istorii RAN (History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession Prior to the Beginning of the XXI Century / Institute for General history, Russian Academy of Sciences). Moscow: "Indrik", 2014. P. 295-327.]

¹⁸ История XIX века (под ред. Э. Лависса и А. Рамбо). Том 5. Революции и национальные войны. 1848-1870. – М.: ОГИЗ, 1938. – С. 353. [Istoriya XIX veka. Revolyutsii i inatsional'nyevojny. 1848-1870 (History of the Nineteenth Century (ed. by E. Lavissee and A. Rambaud). Vol. 5. Revolutions and National Wars. 1848-1870). Moscow: OGIZ, 1938. P. 353.]

армия вместе с французами, австрийцами и неаполитанцами участвовала в контрреволюционной интервенции в Италии, восстанавливая власть Папы¹⁹.

Наличие политической альтернативы (1). Гражданская война 1833-1840 гг. (сторонники абсолютизма – «карлисты» – против либерального блока «модератос», «эксальтадос» и «прогрессистов») закончилась победой либералов, после чего в политической борьбе за власть выиграли левые либералы – «прогрессисты», установившие диктатуру Эспартеро. Однако его правительство пошло на поводу у крупных землевладельцев, ведя политику «фритрейда» (новый торговый договор открывал испанский рынок для британского текстиля, ущемляя местных производителей). В 1843 г. диктатура Эспартеро была свергнута, и власть опять оказалась у «модератос» и «абсолютистов», между которыми сложилось равновесие. Таким образом, наблюдался избыток политических альтернатив в стране: от ушедших в подполье «карлистов» с их программой возвращения старинных региональных вольностей «фуэрос» и майоратов – до «прогрессистов», мечтавших о полной секуляризации церковных земель. Общим вызовом для всех властных групп оставалась конституция 1812 г. Все последующие версии конституции – 1837 и 1845 гг. – свелись к последовательному ограничению прав кортесов (парламентов) и к уменьшению числа избирателей. О первой испанской конституции помнили, ее обсуждали, это и была важная на тот момент в Испании политическая альтернатива правительствам, менявшимся как в калейдоскопе на протяжении почти трех десятилетий. Множество альтернатив ведет к разрозненности социального протеста, конфликтам между группами. Поэтому значение данного параметра следует считать средним.

Наличие «горючего материала» революции (1). Общеευропейский экономический кризис 1847-1848 гг. затронул и Испанию.

¹⁹ Майский И.М. Испания 1808-1817: исторический очерк. – М.: АН СССР, 1959. – С. 110. [Majskij, I.M. Ispaniya 1808-1817: istoricheskij ocherk (Spain 1808-1817: a Historical Sketch). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. P. 110.]

Разорение ремесленников, безработица в городах, латифундизм (промышленный бизнес стремился поскорее превратиться в рантье), дефицит бюджета – отмечаются все подобные неблагоприятные явления²⁰. Совсем скоро – в 1854-1855 гг. все они дадут о себе знать. Мятежи революционных хунт под руководством «прогрессистов», забастовки с требованием 10-часового рабочего дня, ввод войск в рабочие кварталы, казнь лидера рабочего движения Х. Барсело, трехдневная городская герилья в Мадриде в 1856 г., крестьянское восстание в Старой Кастилии и в Андалусии (1856 и 1861 гг.) – все это еще случится. Значение данного параметра следует считать средним (как минимум).

Отчуждение основной массы населения от инокультурной правящей элиты (различные варианты ксенократии) (0). Этот фактор для Испании 1840-х гг. не играл сколь-нибудь существенной роли.

Живость, политическая актуальность памяти о прошлой национальной независимости (0). Также незначимый фактор.

Наличие организованных вооруженных отрядов (официальных или подпольных) с военным или повстанческим опытом (1). Во всех трех предыдущих революциях испанские тайные общества офицеров были важным фактором консолидации революционно настроенных групп (о чем уже было сказано выше). Испанские «хунты», представлявшие собой не столько офицерские объединения, сколько объединения горожан-«парамилитарис», также проявили себя во всех революциях. Однако как раз для данного этапа их деятельность никак не фиксируется. Поэтому здесь фиксируем среднее значение параметра.

В итоге в плане «готовности к революции» Испания набрала 4 единицы, приблизившись к показателям Чехии, Пруссии, и

²⁰ См.: История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2014. – С. 296. [Istoriya Ispanii. Tom 2. Ot vojny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka / Institut vseobshhej istorii RAN (History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession Prior to the Beginning of the XXI Century / Institute for General History, Russian Academy of Sciences). Moscow: «Indrik», 2014. P. 296.]

Австрии (центра). Низкая строгость оценки значений, к тому же подверженная субъективизму, не позволяет судить с уверенностью о том, что разница в 1 или 2 балла ведет к столь кардинальному расхождению.

Это означает, что перечень факторов, толкающих общество к революции, не полный, поскольку как минимум три случая (центра Австрийской империи 5, Чехии 5 и Пруссии 6) демонстрируют не достаточный для возникновения революции уровень напряженности. Эти соображения толкают на поиски дополнительных причин, которые бы восполняли недостаточную социально-политическую напряженность (при котором революция все равно происходит) – или, наоборот, тормозили и «подмораживали» бы высоко напряженную ситуацию, когда режим остается крепким.

Для прояснения этих причин требуется провести дальнейшее уточнение «порога напряженности» для революционной ситуации. Здесь не обойтись без рассмотрения других случаев, когда революционная волна «Весны народов» 1848 г. не сработала: например, в Ирландии и в самой Англии, в Российской империи в целом, и в отдельных ее провинциях (например, в Царстве Польском, Финляндии).

Гипотеза дальнейшего исследования состоит в том, что восполнение «дефицита напряженности» происходит за счет действия революционной волны (волнового эффекта).

Литература:

Авербух Р.А. Революция и национально-освободительная борьба в Венгрии 1848-1849. – М.: Наука, 1965. – 406 с.

Голдстоун Дж. К теории революции четвертого поколения // Логос. – 2006. – № 5. – С. 58-103.

Голдстоун Дж. Революции. Очень краткое введение. – М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. – 192 с.

Европейские революции 1848 года «Принцип национальности» в политике и идеологии. – М.: Индрик, 2001. – 456 с.

История XIX века (под ред. Э. Лависса и А. Рамбо). Том 5. Революции и национальные войны. 1848-1870. – М.: ОГИЗ, 1938. – 584 с.

История Испании. Том 2. От войны за испанское наследство до начала XXI века / Институт всеобщей истории РАН. – М.: «Индрик», 2014. – 872 с.

История Италии. Под редакцией С.Д. Сказкина, К.Ф. Миззиано, С.И. Дорофеева. Т. 3. – М.: «Наука», 1970. – 608 с.

История южных и западных славян: В 2 т. Том 1. Средние века и Новое время (под ред. Матвеева Г.Ф., Ненашевой З.С.). – М.: Изд-во МГУ, 2001. – 692 с.

Ковальская М.И. Италия в борьбе за национальную независимость и единство: От революции 1831 г. К революции 1848-1849 гг. – М.: Наука, 1981. – 272 с.

Коллинз Р. Макроистория: очерки социологии большой длительности. – М.: УРСС, 2015. – 504 с.

Коротаев А.В., Исаев Л.М., Васильев А.М. Количественный анализ революционной волны 2013-2014 гг. // Социологические исследования. – 2015. – № 8. – С. 119-127.

Лакатос И. Фальсификация и методология научно-исследовательских программ. М.: Медиум, 1995. – 236 с.

Майский И.М. Испания 1808-1817: исторический очерк. – М.: АН СССР, 1959. – 214 с.

Маркс А., Рюу Б., Рэйгин Ч. Истоки, развитие и применение качественного сравнительного анализа: опыт первых 25 лет // *Политическая концептология*. – 2017. – №1. – С. 57-86.

Новая история стран Европы и Америки (под редакцией А. В. Адо). – М.: Высшая школа, 1986. – 624 с.

О причинах Русской революции. – М.: Издательство ЛКИ, 2010. – 430 с.

Разработка и апробация метода теоретической истории (под ред. Н. С. Розова). Серия «Теоретическая история и макросоциология». Вып. 1. – Новосибирск: Наука: 2001. – 503 с.

Революции 1848-1849. Т. I. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. – М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – 848 с.

Революции 1848-1849. Т. II. Под редакцией проф. В.Ф. Потемкина и А.И. Молока. М.: АН СССР. Институт истории, 1952. – 661 с.

Цирель С.В. Революционные ситуации, революции и волны революций: условия, закономерности, примеры // *Ойкумена*, – 2012, – вып. 8. – С. 174-209.

Beck, C.J. Radicals, Revolutionaries, and terrorists. Polity Press, 2015.

Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, vol. 35(2), pp. 167-207.

Goldstone, J. Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes // *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*, 2009, vol. 29(1), pp. 18-32.

Goldstone, Jack et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*, 2010, Vol. 54, No. 1, pp. 190-208.

Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999. 192 p.

McAdam, D.; Tarrow, S.; Tilly, Ch. Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2003.

Perrow, Ch. Normal Accidents. N.Y.: Basic, 1984.

Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.

Tilly, Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003. 290 p.

References:

Averbukh, R.A. Revolutsiya i natsional'no-osvoboditel'naya bor'ba v Vengrii 1848-1849 (Revolution and National Liberation Struggle in Hungary 1848-1849). Moscow: Science, 1965. 406 p.

- Beck, C.J. Radicals, Revolutionaries, and terrorists. Polity Press, 2015.
- Beck, C.J. The World-Cultural Origins of Revolutionary Waves Five Centuries of European Contention // *Social Science History*, 2011, vol. 35(2), pp. 167-207.
- Evropejskie revolyutsii 1848 goda «Printsip natsional'nosti» v politike I ideologii (European Revolutions of 1848 "The Principle of Nationality" in Politics and Ideology). Moscow: Indrik, 2001. 456 p.
- Goldstone, J. Rethinking Revolutions: Integrating Origins, Processes, and Outcomes // *Comparative Studies of South Africa and the Middle East*, 2009, vol. 29(1), pp. 18-32.
- Goldstone, Jack et al. A Global Model for Forecasting Political Instability // *American Journal of Political Science*, 2010, Vol. 54, No. 1, pp. 190-208.
- Goldstoun, Dzh. K teorii revolyutsii chetvertogo pokoleniya (On the Theory of the Fourth Generation Revolution) // *Logos*, 2006, No. 5, pp. 58-103.
- Goldstoun, Dzh. Revolyutsii. Ochen' kratkoe vvedenie (Revolutions. A Very Short Introduction). Moscow: Gaidar Institute publishing House, 2015. 192 p.
- Istoriya Ispanii. Tom 2. Ot vojny za ispanskoe nasledstvo do nachala XXI veka / Institut vseobshhej istorii RAN (History of Spain. Vol. 2. From the War of the Spanish Succession Prior to the Beginning of the XXI Century / Institute for General history, Russian Academy of Sciences). Moscow: «Indrik», 2014. 872 p.
- Istoriya Italii. T. 3. (History of Italy. Ed. by S.D. Skazkin, K.F. Misiano, S.I. Dorofeev. Vol.3). Moscow: «Nauka», 1970. 608 p.
- Istoriya XIX veka. Revolyutsii I inatsional'nyevojny. 1848-1870 (History of the Nineteenth Century (ed. by E. Lavisse and A. Rambaud). Vol. 5. Revolutions and National Wars. 1848-1870). Moscow: OGIz, 1938. 584 p.
- Istoriya yuzhnykh I zapadnykh slavyan: V 2 t. Tom 1. Srednie veka i Novoe vremya (History of the Southern and Western Slavs: 2 vol. 1. The Middle Ages and Modern Times (ed. by G.F. Matveev, Z.S. Nenasheva)). Moscow: Izd-vo MGU, 2001. 692 p.
- Katz, M. Revolutions and Revolutionary Waves. Palgrave Macmillan, 1999. 192 p.
- Kollinz, R. Makroistoriya: ocherki sotsiologii bol'shoj dlitel'nosti (Macrohistory: Essays in Sociology of the Long Run). Moscow: URSS, 2015. 504 p.
- Korotaev, A.V.; Isaev, L.M.; Vasilev, A.M. Kolichestvennyi analiz revoliutsionnoi volny 2013-2014 gg. // *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, No. 8, pp. 119-127.
- Koval'skaya, M.I. Italiya v bor'be za natsional'nyu nezavisimost' i edinstvo: Ot revolyutsii 1831 g. k revolyutsii 1848-1849 gg. (Italy in the Struggle for National Independence and Unity: from the Revolution of 1831 to the Revolution of 1848-1849). Moscow: Science, 1981. 272
- Lakatos, I. Fal'sifikatsiya i metodologiya nauchno-issledovatel'skikh program (Falsification and the Methodology of Scientific Research Programmes). Moscow: Medium, 1995. 236 p.
- Majskij, I.M. Ispaniya 1808-1817: istoricheskij ocherk (Spain 1808-1817: a Historical Sketch). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 214 p.
- Marks, A.; Riu, B.; Rehgin, Ch. Istoki, razvitie I primenenie kachestvennogo sravnitel'nogo analiza: opyt pervykh 25 let (The Origins, Development and Application of Qualitative Comparative Analysis: the Experience of the First 25 years) // *Political conceptology*, 2017, № 1, pp. 57-86.
- McAdam, D.; Tarrow, S.; Tilly, Ch. Dynamics of Contention. Cambridge University Press, 2003.
- Novaya istoriya stran Evropy I Ameriki (New History of Europe and America. Ed. by A.V. Ado). Moscow: Higher school, 1986. 624 p.
- O prichinakh Russkoj revolyutsii (On the Causes of The Russian Revolution). Moscow: LKI Publishing House, 2010. 430 p.
- Perrow, Ch. Normal Accidents. N.Y.: Basic, 1984.
- Ragin, Ch. Constructing Social Research. Pine Forge Press, 1994.
- Razrabotka I aprobatsiya metoda teoreticheskoy istorii. Seriya "Teoreticheskaya istoriya i makrosotsiologiya". Vyp. 1. (Development and Testing of the Method of Theoretical History (Ed. by S. Rozov). Series "Theoretical History and Macrosociology". Issue. 1). Novosibirsk: Science: 2001. 503 p.
- Revolyutsii 1848-1849. T. II. (Revolutions of 1848-1849. Vol. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. 661 p.
- Revolyutsii 1848-1849. T.I. Pod redaktsiej prof. V.F. Potemkinai A.I. Moloka (Revolutions of 1848-1849. T. I. Ed. by V.F. Potemkin and A.I. Moloko). Moscow: USSR Academy of Sciences. Institute of history, 1952. 848 p.
- Tilly, Ch. The Politics of Collective Violence. Cambridge, 2003. 290 p.
- Tsirel', S.V. Revolyutsionnye situatsii, revolyutsii I volny revolyutsij: usloviya, zakonovernosti, primery (A Revolutionary Situation, the Revolution and the Wave of Revolutions: the Conditions, Patterns, Examples) // *Oikumen*, 2012, Iss. 8, pp. 174-209.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006

REGULARITIES IN DISTURBANCE: COMPARATIVE POLITICAL ANALYSIS OF THE REVOLUTIONARY WAVE 1848–1849 IN THE AUSTRIAN EMPIRE

Nikolai S. Rozov

*Institute for Philosophy and Law of Siberian Branch of Russian
Academy of Sciences, Novosibirsk State University,
Novosibirsk State Technical University,
Novosibirsk, Russia*

Vladislav V. Tsygankov

*Specialized Educational Scientific Center
of Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia*

Article history:

Received:

10.06.2018

Accepted:

25.11.2018

About the authors:

Nikolai S. Rozov, Dr. of Philosophy,
Professor, Principal Researcher in the Institute for Philosophy
and Law of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences;
Head of Department for Social Philosophy and Political
Sciences, Novosibirsk State University;
Professor, Department for International Relations
and Regional Studies, Novosibirsk State Technical University

e-mail: nrozov@gmail.com

Vladislav V. Tsygankov, Candidate of Philosophy,
Associate Professor, Specialized Educational Scientific
Center of Novosibirsk State University

e-mail: oktava-77@yandex.ru

Key words:

revolution; revolutions of 1848-1849; Austrian Empire;
historical patterns of revolutionary dynamics;
revolutionary situation; factors of instability;
socio-political crisis; delegitimization of government;
loyalty of the power structures; elite split;
grassroots protests

Abstract: The article analyzes the factors and patterns that explain the entry of some societies and the non-entry of others into the European revolutionary wave of 1848-1849, examines the causes of the various results of the revolutions. The article implements the theoretical and historical approach in macro-sociology, including shuttle movements between the General hypotheses and the systematic comparison of cases for their verification and correction. In the «Spring of Nations» as a vast wave of European revolutions of 1848-1849 the imperial center (Vienna) and ethnic provinces of the Austrian Empire (Venice-Lombardy, Hungary and the Czech Republic) were taken for analysis. The factors of creating a revolutionary situation are clarified and the hypothesis of «filling» the missing factors due to the external influence of revolutions in neighboring and/or highly preferred societies – due to the effect of the revolutionary wave is confirmed.

Acknowledgements: The article is prepared with the support of the Department of Humanitarian and Social Sciences of the Russian Foundation for Basic Research, project 16-03-00318-OIG

Для цитирования: Розов Н.С., Цыганков В.В. Закономерности в смуте: сравнительно-политологический анализ революционной волны 1848-1849 гг. в Австрийской империи // *Сравнительная политика*. – 2019. – №1 – С. 81-97.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006

For citation: Rozov, Nikolai S.; Tsygankov, Vladislav V. *Zakonomernosti v smute: sravnitelno-politologicheskii analiz revoliutsionnoi volny 1848-1849 gg. v Avstriiskoi Imperii (Regularities in Disturbance: Comparative Political Analysis of the Revolutionary Wave 1848–1849 in the Austrian Empire) // Comparative Politics Russia*, 2019, No. 1, pp. 81-97.

DOI: 10.24411/2221-3279-2019-10006.